

ЮРИЙ ПИОНЕРОВ

ЛЕВ СТАРОВ

ШЕФ-ПОВАР НАЗАД В СССР

ТОМ 4

Юрий Пионеров

Повар. Назад в СССР 85 год Том 4

«Автор»

«Автор»

2026

Пионеров Ю.

Повар. Назад в СССР 85 год Том 4 / Ю. Пионеров — «Автор»,
«Автор», 2026

Две звезды Мишлен, собственный ресторан, роскошная жизнь И всё это осталось под колёсами грузовика. Зато мне снова двадцать два! На дворе 1985-й: СССР, авоськи, дефицит, гранёные стаканы с компотом и заведующая, у которой на любую затею одно слово: «Не положено!» Ага, сейчас. Я двадцать лет командовал лучшими кухнями Европы и умел зарабатывать. Неужели не справлюсь с советской столовой? Из костей сварю деликатес, из очереди сделаю очередь за добавкой, а из поварёнка — человека, которого знает весь город. Впереди перестройка, кооперативы и лихие девяностые. На этот раз я знаю, когда ловить удачу за хвост. И пустые карманы в мои планы не входят!

© Пионеров Ю., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	17
Г	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Повар. Назад в СССР 85 год Том 4

Глава 1

Оставив Витьку с горячим цехом, мы с Зоей отправились к Матвею до совещания. Время оставалось только на одно: найти лист с правилами, а не снова перебирать историю Лодкина. Почтальон жил в частном доме на окраине, среди старых яблонь. Его веранда завалилась книгами, газетами и коробками.

Матвей встретил меня в валенках, несмотря на плюсовую температуру. — А, Лагутин! Заходил? Кофе будешь? Или чай с чабрецом? — Чай, — согласился я. — Мне нужны афиши. Старые. Районные смотры. Семидесятые годы.

Глаза Матвея заблестели. Он обожал архивы. Ради таких просьб он готов был перевернуть всю веранду. — Афиши? Так у меня их россыпью. Половина пошла на растопку зимой, прости господи. Но я оставил самое ценное. Подшивки «Огонька» есть? Есть. Там иногда вкладыши клеили.

Он полез в дальний угол веранды, под старую тумбу. Вытащил пыльную пачку бумаги, перевязанную бечёвкой. — Держи. Здесь всё. С 65-го по 84-й. Но порядок там... хаос.

Мы с Зоей перебирали бумагу, посматривая на часы. Афиша, уже висевшая у нас, была конкурсным списком; здесь требовался лист с условиями того же смотра. Пыль стояла коромыслом. Кашель терзал горло. — Вот, — сказала Зоя, доставая листок из-под подшивки журнала. — Год 1972. «Районный смотр кулинарного искусства».

Взял афишу. Бумага была тонкой, желтоватой. Шрифт угловатый, советский. «Лучшее блюдо рабочего стола. Конкурс на лучшее использование субпродуктов».

Сердце ёкнуло. Эта тема существовала. Официально. В уставе смотра. — Слушай сюда, — пробормотал я, разворачивая афишу. — «Пункт 4. Тематика конкурса определяется голосованием заведующих предприятий общественного питания. Единоличное решение организационного комитета недопустимо».

Зоя ахнула. — Это ломает их план. Крайнов не может утвердить тему сам. Ему нужно голосование. — Да. Но есть ещё одна деталь. Смотри.

На обороте афиши была рукописная пометка. Чернильная ручка, синяя, выцветшая. Почерк дрожащий, но чёткий. «Конкурсанты: Лодкин Ефим Степанович (столовая №4). Пасека Викентий Николаевич (ресторан "Заря"). Лауреат: Пасека В.Н.»

Ниже, другим почерком, более нервным: «Примечание судьи: Лодкин срезан вне финальной дегустации. Официальная причина: состояние здоровья. Спорно».

Зоя посмотрела на меня. — «Срезан вне финальной дегустации»? Что это значит? — Это значит, — сказал я медленно, чувствуя холодок по спине, — что финальное блюдо не попробовали. До судейского стола его не донесли. Его убрали. До того, как его оценили.

Пометка совпадала с конкурсным списком на нашей стене. Она подтверждала снятие до финальной дегустации — но не рассказывала, кто подменил блюдо и было ли оно вообще вынесено. Эту часть мог объяснить только Лодкин.

Вернулись в столовую до выхода в трест. Команда собралась на кухне. Лодкин сидел на табурете, сгорбившись. Он знал, что мы ходили к Матвею. Видел афишу.

Положил листок перед ним. — Ты знаешь, что здесь написано. Лодкин не тронул бумагу. — Знаю. — Про изысканный нож вы рассказывали. А что было с финальным блюдом? — Потому что правда ничего не меняет, — сказал он хрипло. — Меня убрали. Пасека победил. Я ушёл. Жизнь продолжилась.

— Нет, — сказал я, опускаясь на корточки, чтобы быть с ним на одном уровне. — Она не продолжилась. Она застыла. Ты стал тенью в моей кухне. Но сегодня я увидел твой уровень. Субпродукты. Техника. Тема рабочего стола. Это твоё поле боя.

Лодкин поднял глаза. В них была не жалость, а злость. Чистая, горячая злость. — Ты хочешь использовать меня. — Я хочу дать тебе шанс ударить обратно. Не кулаком. Бумагой. Голосом.

Витька переминался с ноги на ногу. — А что делать с темой? Скоро совещание. — Мы идём туда, — сказал я, выпрямляясь. — Мы требуем голосования. Мы читаем устав. Мы ломаем их единоличное решение.

Зоя подошла к Лодкину. Аккуратно, почти неуверенно, коснулась его плеча. — Ефим Степанович, научите меня соусу. Настоящему. Тому, что вы делали в 72-м.

Старик посмотрел на её руку. Потом на меня. Долго молчал. — Соус требует времени, — сказал он наконец. — И рук. Много рук. — У нас есть время, — ответил я. — До смотра ещё есть несколько дней. И у нас четыре пары рук.

Сложил афишу и положил её в карман фартука. Жёсткий сгиб упирался в живот; проверить пункт четвёртый можно было, не отходя от плиты.

За окном уже шёл рабочий день. Город шумел. Очередь к нашей столовой уже формировалась. Люди шли за едой, и скоро Витьке придётся встать на раздачу. Нам же до этого надо было добраться до треста и добиться голосования по регламенту.

Перед выходом начался обычный утренний хаос. В цеху стоял запах свежего хлеба и вареного картофеля. Но настроение было другим. Тревожным.

— Повестка на столе, — сказала Зоя, входя в кухню. — Совещание в девять, в малом кабинете треста. Как ночью подтвердили.

Кивнул. Лодкин стоял у плиты и мешал котёл размеренно, следя за дном; на наши голоса больше не вздрагивал.

Витька вошёл с почты. — Марк Сергеевич, там краше. На дверях висит объявление: «Тема смотра: Банкетное блюдо из дефицита. Утверждено приказом №14». — Приказом? — я усмехнулся. — Уже приказ? — Уже.

Это была ловушка. Если тема уже утверждена приказом, спорить бесполезно. Нужно доказывать, что приказ незаконен. Или что он противоречит уставу.

— Афиша у тебя? — спросил Лодкин. — Да. — Тогда мы готовы.

Я посмотрел на команду. Четверо человек. Повар, разведчик, официант и старый мастер. Против системы, которая кормила элиты и морила голодом простых людей.

— Идём, — сказал я. — Покажем им, что такое настоящий вкус. Не тот, что куплен за государственные деньги. А тот, что сделан своими руками.

Мы вышли из столовой. Солнце било в глаза. Впереди, за углом, маячил величественный фасад здания треста. Там сидел Крайнов. Вежливый. Чистый. Опасный.

В кармане хрустнула бумага с правилами. Крайнову придётся её прочесть.

У двери малого кабинета уже толпились заведующие. Матвей держал папку под мышкой, чтобы её не задела в тесноте. Зоя поправила мне воротник, как поправляла угол салфетки: быстро, без лишней нежности. Пальцы задержались у пуговицы на мгновение.

— Не начинай с крика, — сказала она. — Сначала пусть прочитают.

— А если читать не захотят?

— Тогда громко прочитаешь ты.

Витька освобождал Лодкину место возле двери. Старик отказался от стула в коридоре и пошёл с нами. Он пришёл сам. Я придержал для него дверь и пропустил вперёд.

В малом кабинете треста пахло линолеумом, свежeweымытой пылью и чьим-то лосьоном после бритья. Кондиционер гудел в углу, как старый трансформатор на подстанции, нагнетая духоту, от которой воротник сорочки мгновенно прилипал к шее. Я сидел на пластмассовом стуле в третьем ряду, чувствуя спиной взгляд Зои, которая усадила меня сюда пять минут назад, и сунула в карман пиджака сложенный листок. Бумага была тёплой от её руки. Или мне так казалось.

Перед нами возвышался президиум: три человека за длинным столом, покрытым зеленым сукном. По центру — Ипполит Сергеевич Крайнов.

При нашем прошлом разговоре он сидел на краю кухонной табуретки. Здесь у него был стол президиума, и он держался иначе. Крайнов был молод для своего поста, лет пятидесяти, но держался так, будто ему двадцать пять. Аккуратно подстриженные виски, белоснежный платочек в нагрудном кармане серого костюма тройки, очки в тонкой золотистой оправе, которые он снимал только чтобы протереть салфеткой. Улыбка у него была дежурная, ровная, как строчка на машинке, и глаза за стеклами смотрели на зал не сверху вниз, а чуть сбоку, с интересом наблюдателя за муравьями.

Сжал челюсти и согнул пальцы, привычно примеряясь к рукояти ножа. Всю первую жизнь в напряжённую минуту меня спасала работа у доски. Сейчас под пальцами был только холодный пластик стула.

— Добрый день, товарищи, — голос Крайнова заполнил зал без усилия, мягкий бархатистый бас, который приятно вибрировал в грудной клетке слушателей. Он даже не повысил тона. Ему это было не нужно. — Рад видеть всех. Знаю, что ваши смены тяжелые, что кухня не стоит на месте, поэтому буду краток. Вопрос у нас один, но важный. Фундаментальный.

По залу пробежал шелест. Двадцать четыре заведующих столовыми района, плюс пара человек из облпита, плюс мы с Лодкиным, Витькой и Зоей, сидящими у задней стены на местах для «молодых специалистов». Нас сюда пустили как «наблюдателей», хотя каждый понимал, что наблюдатели иногда мешают.

Крайнов открыл свою папку. Кожаную, дорогую, с тиснением герба. Внутри лежали готовые бланки протокола. Они уже были распечатаны. Тема уже была написана чернилами, пока мы шли сюда.

— Районный смотр общепита проходит раз в два года, — продолжил он, перелистывая страницу. — Обычно мы берем тему банкетов. Но времена меняются. Дефицит учит нас креативности. Поэтому предлагаю закрепить текущую повестку следующим образом: «Банкетное блюдо из дефицитных продуктов». Это покажет класс наших поваров, умение работать с тем, что есть, и превращать его в праздник. Согласны?

Он произнес это утвердительно. Не вопросительной интонацией. Его «согласны?» звучало как приказ, замаскированный под вежливость.

Зал замер на секунду, а затем начал кивать. Сначала робко, потом увереннее. Заведующие столовых, те, кто жил на накладных и списаниях, видели в этом спасение. Банкетное меню означало заказы со стороны, спецзаказы для партсобраний, возможность выбить через профсоюз лишнюю коробку консервов или бутылку шампанского под предлогом «пробы продукта». Это было выгодно. Это было привычно. Это было безопасно.

«Праздник живота для избранных», — подумал я. И представил очередь за комплексным обедом, где женщина просит добавить еще полчерпака супа, потому что дома дети голодные. Представил Витьку, который читает маркировки на ящиках с вырезкой высшего сорта, закупленной по отдельному каналу снабжения, мимо фондов районного питания.

Нет. Так дело не пойдет. Если тема останется «банкетной», то правила игры останутся старыми. Старые правила защищали Пасеку. Старые правила убивали таких, как я.

Я посмотрел на Лодкина. Ефим Степанович сидел прямо, как струна, глядя на пустую стену напротив. Он знал. Он чувствовал фальшь этого «предложения», потому что сам когда-то играл в эту игру.

Крайнов улыбнулся своей безупречной улыбкой и потянулся к ручке, чтобы поставить подпись в протоколе.

— Тогда считаем, что вопрос закрыт. Переходим к составу комиссии...

Голос мой вышел тише, чем я хотел. Сухость во рту сыграла злую шутку. Прокашлялся и встал. Стул скрипнул по линолеуму. Этот звук резанул тишину зала, как нож по фарфору.

Все головы повернулись ко мне.

Ипполит Сергеевич медленно поднял глаза. В них не было раздражения. Только легкое удивление, граничащее с жалостью. Как на ребенка, который сказал неприличное слово в церкви.

— Товарищ Лагутин, пожалуйста, садитесь. Мы обсуждаем административные вопросы. Вы здесь как специалист широкого профиля, вас это касается косвенно.

— Меня это касается напрямую, — я сделал шаг вперед, выходя из ряда стульев. Колени дрожали, но я заставил себя дышать ровно. Вдох носом, выдох ртом. Техника медитации перед сервисом. Помогала тогда, поможет сейчас. — Ипполит Сергеевич, пункт третий повестки не может быть закрыт до обсуждения альтернатив. Согласно регламенту совещаний треста, любой участник имеет право заявить мотивированное возражение до голосования.

Крайнов снял очки. Протер их платком. Медленно. Намеренно.

— Регламент предусматривает обсуждение до формулировки итоговой резолюции, Марк Сергеевич. Резолюция уже сформулирована мною как председателем оргкомитета. Ваша задача — готовить еду, а не бюрократию. Сядьте.

— Тема «Банкетное блюдо» исключает рабочих, — я говорил громче, чувствуя, как адреналин разливается по телу жаром. — Она смещает фокус с массового производства на единичные кейсы. Смотр должен отражать реальность района. А реальность — это поток. Три тысячи человек в день.

— Реальность района такова, какой ее определяет райисполком и управление общепита, — отрезал Крайнов. В его голосе впервые появилась стальная нотка, спрятанная под бархатом. — Вы вторглись в компетенцию руководства. Прошу покинуть зал, иначе я буду вынужден вызвать охрану треста.

Тишина стала звенящей. Зоя у задней стены схватилась за край спинки стула. Витка побледнел. Лодкин не шевельнулся, но его рука, лежавшая на колене, сжалась в кулак.

Оставшись на месте, достал из внутреннего кармана сложенный вчетверо листок. Лист с правилами, найденный утром у Матвея. Зоя сунула его мне перед входом, а афишу держал сам почтальон.

— В условиях смотра есть тема рабочего стола, — сказал я, не спрашивая разрешения продолжать. — И порядок выбора темы. Вы можете предложить банкет, Ипполит Сергеевич. Но заведующие должны получить возможность выбрать другое.

Поднял лист, показывая его залу.

— Не говорю, что банкет запрещён. Говорю, что он не единственный вариант. Здесь сидят люди, которые ежедневно кормят тысячи рабочих. Они разве меньше умеют, чем ресторанные повара?

Крайнов помрачнел. Его улыбка исчезла, сменившись гримасой скупающего терпения.

— Молодой человек, вы держите старые условия, а не сегодняшний приказ. Смотр — творческое мероприятие. Искусство требует свободы выбора ингредиентов, а не ваших рамок рабочего потока. Сядьте, Лагутин. Это последний раз, когда я прошу.

Он сделал паузу, ожидая, что я сломаюсь. Что я почувствую тяжесть авторитета, возраст, должность. Что я стану маленьким мальчиком перед большим начальником.

Но я помнил другую кухню. Кухню ресторана, где шеф мог уволить тебя за одну каплю соуса, пролившуюся на тарелку, и никто не вздохнул бы против. Там страх был инструментом дисциплины. Здесь страх был инструментом манипуляции. И я умел читать оба языка.

— Искусство кормить людей — это не выбор между лобстером и камбалой, Ипполит Сергеевич, — я положил руку на грудь, ощущая стук сердца под рубашкой. — Это умение сделать так, чтобы рабочий после смены получил горячее, вкусное и быстро. Это и есть высший пилотаж. Потому что лобстера можно купить. А скорость и качество в условиях дефицита — это система. Моя система.

Некоторые заведующие переглянулись. Один из них, грузный мужчина с красным лицом, известный всем как хозяин столовой при автобазе, тихо хмыкнул. Он узнавал в моих словах свою боль. Свои очереди. Свои жалобы профсоюзам.

Крайнов видел эти переглядки. Его веки чуть дернулись. Он понял, что теряет контроль над аудиторией не из-за моей речи, а из-за правды, которую эта речь вскрывала.

— Тема утверждена мною, — повторил он жестко, возвращаясь к канцелярской фразеологии, чтобы снова забрать власть в свои руки. — Возражения отклонены. Секретарь, фиксируйте.

— Не имеете права, — послышался спокойный, но твердый голос справа от меня.

Это был Матвей. Почтальон стоял у стены, прислонившись плечом к двери, как будто ждал окончания скучного спектакля. В руках он держал большую картонную папку, перевязанную веревкой.

Крайнов посмотрел на него с недоумением.

— Кто вы такой?

— Архивист района, если угодно, — Матвей усмехнулся щербато, но доброжелательно. — И друг тех, кто хочет знать, как правильно вести дела. Ипполит Сергеевич, вы ссылаетесь на полномочия председателя оргкомитета. Но давайте вспомним устав районного смотра 1972 года. Если порядок выбора изменён, скажите, каким документом.

Я передал ему лист с условиями, который только что показывал заведующим. Матвей положил его на раскрытую папку и повернул к залу. Крупный шрифт, трафаретная печать. Лист, найденный утром под подшивкой «Огонька».

— Раздел второй, пункт четвертый, — Матвей не читал, он знал текст наизусть. — «Утверждение темы смотра осуществляется исключительно гласным голосованием присутствующих представителей предприятий общепита. Решение единоличное, принимаемое председателем оргкомитета, считается ничтожным и не подлежащим исполнению».

Зал загудел. Громче, чем раньше. Слова «ничтожное» и «единоличное» работали как заклинание. Все знали, что начальник часто решает сам. Но мало кто знал, что по бумаге это незаконно.

— Это... это архивная пыль, — Крайнов попытался сохранить лицо, но его голос потерял бархатистую уверенность. Теперь в нем слышался металл, режущий ухо. — Устав семидесятого второго года давно устарел. Есть новые методические рекомендации управления.

— Есть порядок, по которому раньше выбирали тему. Если его изменили, покажите новый, — Матвей шагнул ближе, протягивая афишу ближайшему заведующему. — Хотите, проверьте штамп почтового архива? Он там. Настоящий. Из года выпуска. Ни одна буква не исправлена.

Заведующий взял афишу, прочитал пункт вслух. Его сосед заглянул через плечо. Текст был четким, крупным. Теперь пункт слышали и в задних рядах. Заведующий передал лист соседу, а тот повернул его к свету, проверяя печать.

Пока лист переходил из рук в руки, я шагнул вперед.

— Голосование! — крикнул я. — Требуем поставить на голосование две темы: предложенную вами и нашу! «Обед трудового дня» против «Банкета из дефицита»!

— Поддерживаю! — раздалось слева. Голос принадлежал женщине, заведующей столовой НИИ. Она ненавидела Пасеку, потому что тот перехватил у неё заказ на научную конференцию.

— Поддерживаю! — мужской голос, автобаза.

— Поддерживаю! — еще один, из ЖЭКа.

Лавина набирала силу. Люди, которые молчали из страха перед должностью, теперь говорили из страха перед нарушением закона. А нарушение закона для советского чиновника было страшнее плохого обеда.

Крайнов смотрел на зал. Его лицо оставалось маской, но я видел, как напряжены мышцы на шее. Он понимал, что проиграл первый раунд. Он мог отвергнуть старый лист. Но тогда требовалось предъявить другой порядок — при всех заведующих, которые уже просили слова. Он мог только давить авторитетом, но авторитет трещал.

— Хорошо, — произнес он наконец. Слово вышло сквозь зубы. — Пусть будет голосование. Но предупреждаю: если большинство выберет вашу «рабочую баланду», ответственность за имидж района ложится на инициаторов.

Инициаторы. Он назвал нас так. Не коллегами. Не специалистами. Инициаторами беспорядков.

Подошел к столу президиума. Руки дрожали, но я спрятал их за спину. Нужно было решить исход дела. Не просто предложить идею, а дать ей вес.

— Ипполит Сергеевич, прежде чем голосовать, — я говорил так, чтобы слышал весь зал. — Хочу заявить о ставке.

Тишина упала плотная, ватная.

— Команда столовой номер четыре, где я работаю, берет на себя обязательство представить систему «Обеда трудового дня» на смотре. Если мы проигрываем конкурс — я лично уйду из этой столовой. Это моя ставка, не увольнение всей команды. А сегодня я прошу одного: дать нам готовить наравне и оценивать результат, а не цену сырья.

Заведующие начали перешептываться. «Уйти самому?» «После всего, что поднял?» Для советского человека это было равносильно самоубийству. Но именно эта радикальность придавала словам вес. Я назвал собственное место работы. От этой ставки уже нельзя было отступить, сославшись на горячность.

Лодкин встал. Медленно, шаркая ногами, но уверенно. Он подошел ко мне и положил руку на плечо. Тяжелую, пахнущую луком и табаком руку.

— Я поддерживаю рабочий стол, — сказал Ефим Степанович тихо, так что секретарь придвинулся, чтобы услышать. — Уходить сейчас никому не советую. Сначала дадим людям обед.

Витька поднялся следом. Зоя встала у задней стены, расправив юбку, и посмотрела на президиум, с таким выражением, словно сама готова была выйти на бой.

Мы стояли стеной. Четыре человека против системы. Против красивого мужчины в дорогом костюме.

Крайнов посмотрел на нас. В его глазах мелькнуло что-то новое. Не злоба. Не презрение. Любопытство. Опасное, хищное любопытство. Он оценивал. Он понимал, что мы не дураки, играющие в бунт. Мы профессионалы, которые нашли рычаг давления.

— Проводите голосование, — сухо бросил он секретарю.

Секретарь отодвинул готовый протокол и взял чистый лист.

— Голосуют заведующие, — сказал он. — Участники команд и наблюдатели не считаются.

Зоя села. Витька опустился рядом с ней. Лодкин остался стоять у моего плеча, но руки не поднял: здесь у него был голос повара, не голос заведующего. Я тоже отошёл к стене.

— Кто за «Обед трудового дня»?

Первой подняла руку заведующая столовой НИИ. Следом — автобаза. Потом ещё одна рука, ещё три. Крайнов смотрел не на меня: на каждого, кто переставал ждать его кивка.

Секретарь пересчитал руки, записал число. Отдельно спросил сторонников банкета. Все двадцать четыре заведующих были учтены.

— Восемнадцать против шести, — объявил он. — Тема «Обед трудового дня» утверждена.

Победа. Громкая, убедительная, необратимая.

Зал аплодировал. Не бурно, сдержанно, но искренне. Заведующие хлопали себе самим, за то, что рискнули. За то, что показали характер. Матвей собрал прошедший по рукам лист и вернул мне; я сложил его вчетверо, убрал в карман.

Крайнов не аплодировал. Он аккуратно сложил свои бумаги в папку. Надвинул очки. Посмотрел на часы на запястье.

— Совещание окончено, — сказал он. — Те, кто участвует в подготовке конкурса, остаются. Остальные свободны.

Люди начали расходиться. Кто-то хлопал меня по спине. Зоя подошла, взяла меня под локоть. Ее пальцы были холодными, но крепкими.

— Ты сумасшедший, — сказала она одними губами. — Полностью.

— Может быть, — ответил я, чувствуя, как ноги становятся ватными. Адреналин отступал, оставляя после себя сильную слабость.

Глава 2

Через пять минут в зале остались только мы, Крайнов и двое его помощников, которые вышли в коридор курить.

Крайнов остался сидеть за столом. Он не спешил уходить. Он наливал воду из графина в стакан. Струя текла ровно, прозрачная.

— Марк Сергеевич, — позвал он. Тихо. Без приказа.

Отпустил Зою и подошел к столу. Лодкин и Витька остались на своих местах, готовые вмешаться, если понадобится, но Крайнов смотрел только на меня.

— Садитесь.

Я сел на стул напротив него. Расстояние было небольшим. Меньше метра. Я чувствовал запах его одеколона — сандал и что-то свежее, химическое.

— Вы хорошо играете, молодой человек, — сказал Крайнов. Он поставил стакан на стол и придвинул ко мне конфету в серебряной обертке. — Очень хорошо. Вы использовали то, чего другие боятся использовать. Закон. Правила. Ставку. Это редкость.

— Спасибо, Ипполит Сергеевич, — я не взял конфету.

— Не благодарите. Я говорю не комплимент ради комплимента. Я говорю констатацию факта. Вам тридцать не скоро. У вас есть имя. У вас есть команда, которая за вас горой. И у вас есть потенциал, который теряется в районной столовой.

Он наклонился вперед. Его голос стал ниже, интимнее.

— Я могу предложить вам другое. Ресторан в центре города. «Столичный». Там другая аудитория. Другие деньги. Другие возможности. Командировки в Москву, в Ленинград. Обучение за границей, если хотите. Имя. Настоящее имя, которое будет значить больше, чем «заведующий кухней».

Смотрел на него, а перед глазами уже стояла другая кухня: столы, оборудование, продукты, которые здесь приходится добывать с боем. Он перечислял всё, чего мне хотелось, и следил, как я слушаю. Даже конфету придвинул ближе, будто мы уже договорились.

Это было опаснее любой угрозы.

— Почему я? — спросил я.

— Потому что вы думаете как системщик, а готовите как художник. Такие люди нужны в системе, чтобы делать её эффективной. А не чтобы ломать её изнутри ради принципов.

Крайнов улыбнулся. Мягко. По-отечески.

— Подумайте, Марк. Тема смотря за вами. Это успех. Но успех временный. Система съест вас, если вы будете оставаться в ней рядовым игроком. Станьте партнером. Я помогу вам уйти туда, где вам место.

Встал. Стул скрипнул.

— Спасибо за предложение, Ипполит Сергеевич.

— Вы отказываетесь? — в его голосе появилось легкое удивление.

— Нет. Я беру паузу.

Повернулся и пошел к выходу. Лодкин и Витька ждали меня у дверей. Зоя стояла рядом, прижимая к груди блокнот.

— Ну как? — спросила она, когда мы вышли в коридор.

— Отлично, — сказал я. — Мы выиграли тему.

— А он? — Витька кивнул в сторону кабинета.

— Он предложил мне работу, — я закурил, хотя раньше не курил на ходу. Пальцы тряслись, зажигалка никак не хотела щелкать. Витька молча дал мне огня. — Хорошую работу.

Зоя нахмурилась.

— И ты согласился?

— Нет, — я затынулся. Дым обжег легкие, привел в чувство. — Я сказал, что подумаю.

— Это хуже, чем «нет», — пробормотал Лодкин. — Когда говорят «подумаю», значит, цена не устроила.

— Цена устроила бы всегда, Ефим Степанович, если бы я был жадным, — ответил я. — Но я повар. Мне нужна очередь. Моя очередь. Она не переводится. Пусть приходят.

Мы спустились по лестнице. Солнце било в окна, создавая блики на паркете. Внизу, в холле, суетились курьеры, разносили почту, толкали тележки. Обычная жизнь треста.

На лестничной площадке я остановился у телефона-автомата: Зина ждала новостей. Витька с Зоей пошли вниз, а я снял трубку и начал набирать номер. Не успел довести диск до упора, как услышал голос из-за приоткрытой двери на этой же площадке.

Не громкий. Спокойный. Исходивший из-за приоткрытой двери кабинета, расположенного рядом. Голос Крайнова. Он разговаривал по телефону, не закрыв дверь полностью, уверенный в том, что внизу никого нет.

— ...Да, приветствую. Слушай внимательно. Да, я знаю, что совещание закончилось. Но комиссия формируется завтра.

Пауза. Щелчок зажигалки за дверью.

— Нет, Демешко не брать. У него нагрузка большая, семья, дети... Пусть отдыхает. Нам нужны люди быстрые и понятливые.

Еще пауза.

— Верно. Гладышев Фрол Степанович. Тот самый. Пусть входит в комиссию с правом решающего голоса. И передай ему: пусть подготовит акт о состоянии здоровья участников команд. Особое внимание — пожилым. Пасека прав, здоровье — фактор риска.

Голос затих. Дверь закрылась.

Застыл с трубкой телефонного автомата в руке. Холодный металл впивался в ладонь.

Гладышев. Новый инспектор. Лояльный. Быстрый. Понятливый. Демешко выведен. Акт о состоянии здоровья. Пожилые участники.

Сердце пропустило удар. Потом заколотилось быстрее.

Мы выиграли тему. Мы сломали его первый ход.

А он уже убирал Демешко из комиссии и готовил медицинский акт для Лодкина.

— Марк? — позвала Зоя снизу. — Ты идешь?

Положил трубку и посмотрел на закрытую дверь.

— Иду, — сказал я.

В кармане пиджака лежал лист с условиями смотра 1972 года. С ним мы добились голосования. Для Крайнова это лишний повод проверить нашу команду.

Мы вышли на улицу. Воздух был горячим, липким. Автобус подъехал, открыв двери с шипением пневматики. Мы сели. Лодкин уснул почти сразу, голова упала на плечо Витьке. Зоя смотрела в окно, на проплывающие фасады домов.

Смотрел на чернила на пальцах, оставшиеся после подписи в протоколе. Лучше бы сейчас был у плиты: там хотя бы понятно, что делать в следующую минуту.

Ипполит Сергеевич Крайнов. Вежливый. Чистый. Безупречный.

Он ударил первым. Не в лицо. В спину. Через бумагу.

Закрыв глаза, перебирая то, что успел услышать. Санитарный акт. Здоровье Лодкина. Гладышев.

Если он хочет играть в документы, я буду играть в документы. Но мои документы будут иметь входящие номера. И копии. Много копий.

Автобус тронулся, раскачиваясь на ухабах. Лодкин спал на плече Витьки, и тот сидел неподвижно, боясь потревожить старика. Зоя повернулась от окна ко мне. Я прижал ладонью карман с условиями: тему мы отстояли. Теперь надо было сохранить для Ефима Степановича место у конкурсной плиты.

Замок щёлкнул так, будто кто-то сломал зуб. Дёрнул ручку на себя, потом толкнул — дверь не шелохнулась. В подъезде пахло мокрой штукатуркой и кислой капустой из чьих-то ведёрок, которые вынесли в коридор после обеда. Свет мигал: лампочка над третьим этажом помирала, гудела как больная муха.

— Ефим Степанович! — я постучал костяшками. Громко, но без злобы. Ритмично. «Тук-тук-тук». Три удара. Пауза. Ещё три. Старая школа стучать в дверь к человеку, который прячется от мира.

Тишина. Даже шороха тапочек по линолеуму не слышно. Зоя стояла за моим плечом, держась рукой за перила. Из автобуса Лодкин вышел раньше нас — сказал, зайдёт домой. Витька уехал дальше, в столовую, а мы с Зоей вернулись к остановке и пришли к старику. После разговора Крайнова про медицинские акты я не хотел оставлять его одного с тем, что он услышал на совещании.

На четвёртом этаже открылась дверь соседки. Выглянула баба Нюра, вся в муке, с полотенцем через плечо.

— Чего шумишь? — спросила она недовольно, хотя вопрос был адресован скорее воздуху. — Он дома? — я кивнул на закрытую дверь Лодкина. — Нет. Ушёл. — Куда? К матери? — На кладбище, к жене своей. Там же они лежат, рядом. Огородила их сеткой-рабицей, чтобы кошки не гадили. Пошёл. Недавно пошёл, сразу как с автобуса вернулся.

Посмотрел на Зою. Она пожала плечами, но глаза у неё были тяжёлые, уставшие от того напряжения, которое висело в малом кабинете утром. — Пойдём, Марк Сергеевич. Может, там тише будет.

Кладбище при депо было старым, забитым под завязку. Железные оградки ржавели, кресты из арматуры торчали под углом. Воздух здесь был другим: холодным, сырым, пахнущим прелыми листьями и железной пылью от путей. Мы нашли его не сразу. Он сидел спиной к нам, на перевернутом ведре, у одной из старых могил, накрытых чёрной клеёнкой. Перед ним стояла пустая бутылка из-под портвейна и стакан, из которого уже давно испарилось всё, кроме запаха.

Остановился в паре метров, давая ему время почувствовать наше присутствие. Зоя замерла позади меня. Лодкин не обернулся. Только плечи его, тонкие под серой байковой курткой, чуть дрогнули.

— Марк Сергеевич, — сказал он тихо, не поднимая головы. Голос звучал хрипло, будто он много кричал или мало пил воды. — Вы зря пришли. Здесь нечего есть. И нечем кормить.

— Здесь не кормят, Ефим Степанович, — ответил я ровно, подходя ближе. Остался стоять, засунув руки в карманы куртки. Сжал там кулаки, чтобы унять дрожь в пальцах. — Здесь слушают. Или молчат вместе. Выбирайте.

Он наконец повернулся. Лицо его было бледным, обветренным, с глубокими тенями под глазами. Трещины на губах кровоточили. Он смотрел мимо моего лица на оградку. Так я уже видел людей после потери: говоришь с ними, а они едва замечают тебя.

— Они узнали, — произнёс Лодкин. Это было не вопросом. — В зале. Шептались. «Это тот самый?». «Конкурсант семидесятого второго года?». Я слышал это. Как звон в ушах.

— Да, — согласился я. — Узнали. Лист читали в зале. Почерк старый, чернила выцвели, но фамилии читаются. «Лауреат — В. Пасека». «Конкурсант — Е. Лодкин». Всё честно.

Лодкин усмехнулся. Криво, неприятно. — Честно? Знаете, Марк Сергеевич, что такое «честно» в нашей системе? Честно — это когда после выигранной техники тебя срезают до финальной дегустации. Когда твоя тарелка не попадает в судейскую комнату. Когда твой соус сохнет на столе помощника, потому что «не тот цвет», «не та консистенция», «не тот автор». Тринадцать лет я варил борщ для рабочих, которые плевали на меня на улице. Тринадцать лет

я резал хлеб для очередей, которые считали меня мебелью. А теперь... — он махнул рукой, едва не смахнув бутылку. — Теперь вы говорите, что это честно?

— Я говорю, что это факт, — перебил я его мягко, но твёрдо. — Факт не бывает честным или нечестным. Он просто есть. А вот то, что вы сделали с этим фактом — это выбор. Вы выбрали молчать. Вы выбрали исчезнуть. Вы выбрали быть тенью при живой кухне.

Зоя шагнула вперёд. — Ефим Степанович, мы не пришли вас упрекнуть. Мы пришли... — Молчи, девчонка, — резко оборвал он. — Ты ничего не знаешь. Ты не видела, как он смотрел на меня тогда. Как Пасека. Со сцены. Со своим «банкетным блюдом». Он знал. Он всегда знает, кто может ему помешать.

Присел на край скамейки напротив него. Колени хрустнули. От мокрой доски тянуло холодом, с дорожки — прелыми листьями; рядом со стариком этот запах казался ещё тяжелее. — Расскажите, — попросил я. Подождал, пока он посмотрит на меня. — Как именно. Без эмоций. Только механика. Мне нужно знать, как работает машина, которая съела вас.

Лодкин долго молчал. Ветер гнал сухие листья по дорожке, шурша о подошвы ботинок. Где-то далеко просвистела электричка. — Судейская комиссия состоит из пяти человек. Председатель — всегда лояльный. Два представителя облпита. Два кулинарных критика. Дегустация проходит в отдельном кабинете. Закрытом. Входят только члены комиссии и официанты. Повара остаются в цеху. Их блюда выносят.

— Вынесли ваше? — Вынесли. После разделки и холодца. Те-то пробовали, вы помните. А в финале был соус. С моей подписью. Карточка с номером заявки. Соус «Бургундский» на основе говяжьих щёк и красного вина, редукция три часа. Идеальная балансировка кислотности и сладости. Я проверил перед выносом. Пробовал сам. Это было лучшее, что я делал за десять лет работы в столовой.

— И? — И оно не попало в кабинет. Официантка сказала: «Прошу прощения, Ефим Степанович, ошибка в маркировке. Этот соус предназначен для стола №4, а ваш был снят по техническим причинам». Техническим причинам. Вы понимаете? Никаких технических причин нет. Есть человеческий фактор.

— Кто этот фактор? — Помощник председателя. Человек Пасеки. Он заменил номера на подносах. Просто переставил карточки. Вместо моего соуса на стол поставили чужую кашу с маслом. Мою тарелку унесли в помывочную. Смыли. Под краном.

От рассказа меня пробрал холод. Подмена карточки, помывочная, акт о здоровье — каждый следующий шаг закрывал возможность доказать предыдущий. Соус смыт, повар снят; судьи могут даже не узнать, что произошло.

— Почему вы не подняли шум? — спросил я. — А смысл? — Лодкин посмотрел мне прямо в глаза. — Я пришёл в приёмную. Там сидел Пасека. Молодой тогда, но уже с этой улыбкой. Он сказал: «Ефим, ты устал. Тебе надо отдохнуть. Здоровье не то». И написал акт. Что я «находился в состоянии физического истощения, непригодного для участия в соревновательных мероприятиях». Меня не дисквалифицировали за нарушение. Меня сняли «по здоровью». Вы понимаете разницу? За нарушение можно апеллировать. По здоровью — нет. Ты слаб. Ты болен. Ты никому не нужен.

— И вы поверили? — Я хоронил жену. Через неделю после конкурса. Она болела долго. Рак лёгких. А я был там, в цеху, где меня смыли. Пришёл домой, а её уже не стало. И я понял: если они могут смыть мой труд, они смоют и мою память. О ней. О себе. Лучше стать никем, чем быть кем-то, кого можно уничтожить одним росчерком пера.

Мы замолчали. Зоя тихо всхлипнула, отвернувшись к оградкам. Остался сидеть, пока она справлялась с собой. Лодкин смотрел на могилу, и перебивать его сейчас я не хотел.

— Марк Сергеевич, — Лодкин снова начал говорить, голос стал тише, ровнее. — Зачем вам это знать? Чтобы пожалеть старика? Чтобы сказать: «Ну, бедный Ефим»? Или чтобы отомстить? Если второе — забудьте. Месть требует сил. У меня их нет. У вас их тоже нет. Крайнов

— это не Пасека. Пасека — это повар. Крайнов — это система. Против системы не мстят. С ней воюют. И проигрывают.

Достал из внутреннего кармана куртки сложенный листок и развернул. Это был лист с условиями смотра, который Матвей дал мне из своего архива. Чернильные буквы, жёлтая бумага, дата: 1972 год. Название конкурса: «Лучшее блюдо из субпродуктов». Список участников. И подпись судьи на обороте, сделанная синей шариковой ручкой, быстро, небрежно: «Лодкин срезан вне финальной дегустации. Официальная причина: состояние здоровья. Спорно».

Положил афишу на колени Лодкина. — Я не за мезтью пришёл, Ефим Степанович. Я за вашим соусом.

Старик посмотрел на бумагу, потом на меня. Его пальцы, тонкие, узловатые, коснулись края листа. — Мой соус? Он смыт. В канализацию.

— Тот рецепт живёт у вас в голове. В ваших руках. В вашей памяти. Мне не нужен Лодкин-семьдесят-второй. Мне нужен Лодкин-восемьдесят-пятый. Тот, который умеет делать балансирующий соус из чего угодно. Из костей, из обрезков, из того, что другие выбрасывают. Мне нужен мастер, а не жертва.

Лодкин поднял голову. Он подался ко мне и снова взглянул на афишу, уже внимательнее. — Вы хотите, чтобы я готовил? Для этого смотра? После всего?

— Да. Но не как легенда. Не как «тот самый Лодкин». А как участник. Как часть команды. Как человек, который знает цену ошибке.

— А если они снова срежут?

— Тогда мы будем готовы к этому. Мы знаем их методы. Мы знаем, что они используют бумагу против мяса. Значит, наша броня будет из бумаги. Ваша задача — сделать еду такой, чтобы её нельзя было игнорировать. Чтобы каждый кусок кричал правду громче любых протоколов.

Лодкин долго рассматривал афишу. Потом аккуратно сложил её и положил обратно в мои руки. — Вы странный повар, Марк Сергеевич. Другие бы сказали: «Вспомни молодость, верни славу». Вы говорите: «Верни работу».

— Слава приходит после работы, — ответил я. — А работа начинается сегодня вечером.

Глава 3

Цех встречал нас гулом вытяжек и запахом раскалённого металла. Лодкин не сказал ни слова, пока мы шли через двор, мимо сваленных в кучу пустых мешков из-под крупы. Он шёл медленно, опираясь на мою руку, хотя сам мог бы идти быстрее. Ему нужно было время. Время на решение.

Когда мы зашли внутрь, свет люминесцентных ламп ударил по глазам. Витька сидел на табуретке у окна, чистил картошку большим кухонным ножом. Зоя включила конфорки под котлами. Пар уже поднимался тонкими струйками.

Лодкин прошёл к своему месту — к длинному деревянному столу, где обычно смешивали соусы. Постоял, глядя на чистую поверхность столешницы. Потом повернулся к нам. — Покажите, что вы принесли.

Достал тетрадь с меню и карту закупок, которую Витька собрал по накладным «Зари». Расстелил перед ним. — Банкетное блюдо из дефицита, — прочитал вслух Лодкин. — Сливки тридцать три процента. Раковые шейки. Вырезка высшего сорта. Классика ресторана «Националь». Дорого. Красиво. И абсолютно бесполезно для района, где половина людей ест суп из костей.

— Тема изменена, — сказал я. — Голосованием. «Обед трудового дня». Но суть та же. Им нужны продукты первой категории. Нам нужно доказать, что вкус рождается из техники, а не из ценника.

Лодкин пробежал глазами по списку ингредиентов, которые мы могли использовать в рамках рабочего питания. Субпродукты. Говяжьи сердца, лёгкие, печень. Куриные лапы, шеи. Корнеплоды. Капустный рассол. Хлебные корки. — Вы знаете, что такое настоящий соус? — спросил он вдруг. Голос его стал другим. Глубже. Он уже обращался ко всем сразу, дожидаясь, пока Витька отложит нож. — Это не смесь специй. Это концентрат времени. Каждый час варки вытягивает из кости смысл. Из хряща — структуру. Из жира — округлость. Вы можете взять эту дешёвую говяжью грудинку, которую нам дают в столовой, и превратить её в золото. Но только если вы будете уважать каждый час, проведённый у плиты.

Он взял нож. Перехватил рукоять привычно, примеряясь к работе. — Зоя, принеси мне большой сотейник. Витька, три килограмма говяжьих костей после сегодняшней разделки. С остатками мяса и жил, но чистых. Не залежалых: цвет нам даст обжарка.

Зоя достала сотейник. Витька вернулся со склада с пакетом, перевязанным бечёвкой, и поставил его возле мойки.

— Мозговые тоже попались, Ефим Степанович. Отложить?

— Отложи. Сейчас нужны суставные и мясные. Мозг даст жир, а я хочу, чтобы соус держала кость.

Промытые кости легли на противень. Я расправил их в один слой, Лодкин убрал два мелких обломка, которые сгорели бы раньше остальных. В духовке сначала зашипела вода, потом запах стал сухим, мясным. Старик приоткрыл дверцу и посмотрел не на часы — на край самого крупного сустава.

— Теперь переверни, — сказал он. — Не делай чёрного ради коричневого.

Пока кости румянились, Зоя резала лук и коренья. Витька отмерял воду. Лодкин снял с моего противня один кусок и показал обоим: коричневая корочка, светлая щель возле хряща. Здесь была мера, которую не перепишешь из рецепта.

В котёл отправились кости и овощи. Противень я ополоснул небольшим количеством горячей воды, подняв со дна мясной сок, и вылил его туда же. Лодкин дождался тихого кипения, снял пену, убавил огонь.

— Вот теперь время началось. До этого мы только готовили ему работу.

Через час кухня вошла в новый ритм. Стук ножа о доску, тихое бульканье котла, жареный лук для будущей доводки. База ещё не была соусом. Я поднёс пробную ложку Зое: запах уже густой, а на языке жидкость пока пустовата. Она нахмурилась.

— Пахнет лучше, чем ешь.

— Значит, рано, — сказал Лодкин. — Носу верить можно. Только он прибежал первым.

Мы дали костям вариться дальше. Убрали рабочие столы, проверили завтрашнюю раскладку, выпили чай. Лодкин дважды подходил к котлу, снимал жир, пробовал чистой ложкой. На третьей пробе остывающая капля уже липла к губам. Старик заметил, что я перестал спрашивать про минуты, и кивнул.

Бульон процедили. Только теперь началась редукция: широкий сотейник, открытая поверхность, тихое кипение. Я следил, чтобы соус не хватался за дно. Лодкин оставил часть базы несолёной, а рассол держал отдельно — иначе вместе с водой мы уварили бы и соль.

— Зачем отложили эту часть? — спросила Зоя.

— Чтобы исправлять вкус не водой. Добавишь воду — получишь разбавленный соус. Добавишь свою основу — вернёшь ему нужную густоту и сохранишь мясо.

Когда лопатка стала оставлять дорожку, Лодкин перелил небольшую порцию в миску. Капля рассола, проба, ещё капля. Остальной концентрат он не трогал, пока не поймал меру в пробной порции.

Зоя придвинулась ближе.

— Можно мне?

Он протянул чистую ложку. Она попробовала; я видел, как она удержалась от второго глотка, чтобы сначала назвать то, что чувствует.

— Вначале мясо. Кислое приходит потом. И хочется ещё.

— Вот теперь соус, — сказал Лодкин. — А не кислая жидкость с мясным запахом.

Стоял рядом, следя за тихим кипением: пузырьки поднимались редко, у края сотейника, и соус свободно стекал с лопатки.

— Почему вы не сказали нам раньше? — спросил я тихо, пока Лодкин мешал деревянной ложкой густеющую массу. — Сказать что? Что я умею готовить? Все знали. Но никто не спрашивал. А когда не спрашивают, не отвечают. Так безопаснее.

— А теперь? — Теперь вы спрашиваете. И мне нужно отвечать. Потому что я хочу жить. Не существовать. Жить.

Соус после доводки загустевал. Цвет его стал глубоким, тёмно-коричневым, почти чёрным, с красными отблесками света. Аромат заполнил всё помещение: мясной, сложный, с нотами трав, перца и чего-то неуловимо сладкого. Лодкин попробовал. Закрыв глаза. Долго держал вкус на языке. Потом открыл глаза и посмотрел на меня. — Готово.

Он разлил соус по маленьким баночкам и поставил на край стола остывать. — Это база. На смотре мы используем её для глазировки. Мясо будет простым. Тушёным. Но вкус... Вкус будет таким, что они забудут, где находятся. Забудут про комиссию. Забудут про правила. Они будут помнить только одно: это вкусно.

Зоя подошла к столу. Посмотрела на баночки. — Ефим Степанович, научите меня? Не сегодня. Но научите. Я хочу понять, как вы чувствуете меру.

Лодкин посмотрел на неё и впервые за вечер улыбнулся. Зоя уже потянулась за блокнотом, дожидаясь ответа. — Приходи завтра рано. Будешь колотить лук вручную. Без блендера. Без машины. Луковица должна чувствовать силу руки, а не скорость мотора. Если вытерпишь месяц — научу.

Витька хмыкнул с угла. — Месяц? Зоя, ты смелая.

— Я голодная, — ответила Зоя спокойно. — Голодные люди терпят многое.

Остывшие баночки убрали в холодильник. Мы закончили смену поздно. В цеху осталось только оборудование, остывающее в темноте. Мы вышли наружу, в ночную прохладу района. Фонари гудели, освещая мокрые лужи.

У нашей раздачи было темно, но у служебного входа кто-то ждал. Здесь, у нашей кухни, вдали от ресторанного центра. Свет над дверью выхватил белую куртку. От стены отделился человек. Высокий, в белой куртке шеф-повара поверх костюма, с сигаретой в зубах.

Пасека. Викентий Николаевич.

Он сначала смотрел только на Лодкина. Пауза затянулась. Три фигуры стояли в тени. Четвёртая — в полосе света. Пасека сделал шаг навстречу. Увидел меня, Зою, Витьку. Потом снова посмотрел на Лодкина. Его лицо не изменилось. Ни удивления, ни страха. Только вежливость. Холодная, гладкая, как полированный металл.

— Ефим Степанович, — произнёс он. Голос его был бархатным, спокойным. — Какая неожиданность. Я слышал, вы... отстранились от дел.

Лодкин молчал. Руки его сжались в кулаки, ногти впивались в ладони. Я встал ближе к нему, оставив между нами полшага.

— Да, — коротко ответил Лодкин.

Пасека затянулся, выпустил дым вверх, наблюдая, как он рассеивается в свете лампы. — Плохо выглядишь, Ефим. Цвет лица нездоровый. Руки дрожат. Ты ведь понимаешь, что участие в таком ответственном деле, как районный смотр, требует полной концентрации и физических сил?

— Я понимаю, — сказал Лодкин.

— Ну, значит, мы друг друга поняли, — Пасека улыбнулся. Широко, искренне, как добрый сосед. — Я о тебе похлопочу, Ефим. Не волнуйся. Твоё здоровье важнее любых амбиций. Мы не хотим, чтобы тебе стало хуже на людях. Это будет... неловко. Для всех.

Он повернулся ко мне. — Марк Сергеевич. Снова встретились. Ваш энтузиазм впечатляет. Но помните: в этом районе есть свои правила безопасности. Санитарные нормы. Медицинские противопоказания. Иногда лучше уступить место тому, кто сильнее.

— Мы справимся, — ответил я. Сухо.

— Конечно, конечно. Удачи вам всем. Берегите Ефима Степановича. Он... хрупкий материал.

Пасека затушил сигарету о стену, бросил окуроч в лужу и ушёл к стоявшей в переулке машине. Витька запер за нами служебную дверь. Щелчок замка прозвучал выстрелом.

Мы стояли ещё минуту. Никто не двигался. Лодкин медленно разжал кулаки. Посмотрел на свои ладони. На красные полумесяцы ногтей. — Он объявил войну, — сказал он. Тихо. — Он собирается снять вас по здоровью, — ответил я. — Чтобы вы даже до плиты не дошли. Значит, готовиться будем и к этому.

Лодкин посмотрел на меня. В его глазах больше не было пустоты. Там горел уголёк. Маленький, но живой. — Завтра в шесть утра, — сказал он. — Принесите мне свежие травы. Базилик, петрушку, тимьян. И много луковых шелух. Мы начнём новый этап.

Мы разошлись. Зоя уехала на такси, Витька побежал домой, через дворы. Я остался с Лодкиным на остановке. Ждали последний автобус. — Марк Сергеевич, — сказал он вдруг, глядя на пустую дорогу. — Почему вы не сказали им правду? Про то, как они меня срезали?

— Правда — это не оружие, Ефим Степанович. Правда — это мишень. Оружие — это результат. Когда они попробуют ваш соус и поймут, что их «банкет» стоит рядом с вашим «обедом» ниже плитуса по вкусу, правда всплывёт сама. И она будет неотразима.

Автобус подошёл. Мы сели. В салоне было пусто и холодно. Лодкин прижался к стеклу, наблюдая, как проплывают огни района. — Тринадцать лет я был мёртвым поваром, — пробормотал он. — Теперь я труп, который хочет есть.

— Тогда едим, — сказал я. — И кормим других.

Клава Никифоровна сидела за своим столом так, будто её приварил к полу сам заводской токарный станок. Перед ней лежала пачка чистых бланков «Заявка на участие в районном смотре-конкурсе», рядом — толстая тетрадь в клетку с замусоленными уголками и красная ручка, перо которой было заточено до состояния хирургического скальпеля. Она не подняла головы, когда я вошёл, хотя звук моих шагов по линолеуму треста был слышен даже в коридоре. Пахло здесь въедливо: типографской краской, пылью от старых папок и почему-то мандаринами из чьего-то обеда.

— Лагутин, — сказала она ровно, не глядя. Голос у Клавдии Никифоровны всегда звучал как скрежет затвора сейфа. — Ты рано. Комиссия ещё только дышит.

Положил на её стол два экземпляра заявки с меню и приложениями. Бумага была свежей, чернила ещё пахли спиртом. Зоя переписывала их ночью при свете настольной лампы, пока я проверял граммовки соусов Лодкина. Рука у неё дрогнула один раз, но она вычеркнула лишнюю запятую так аккуратно, что никто бы не заметил подмены.

— Тема утверждена голосованием восемнадцать против шести, Клава Никифоровна, — сказал я, прислонившись бедром к краю стола. — Решение записано в протоколе совещания. Я подаю заявку.

Клава наконец подняла глаза. Взгляд у неё был цепкий, как у старой кошки, которая знает все мышиные норы в подвале. Она взяла одно меню, пролистала его до конца, потом вернула. Не прочитав ни строчки.

— Мало, — констатировала она.

— Чего мало? Меню на три перемены плюс напиток. Стандарт для категории «обслуживание трудящихся».

— Описи вложения нет, — она ткнула ногтем в пустое место на бланке. — Состав команды кто? Повар, помощник, официант. Основание подачи — пункт приказа номер семь-два-один-бис. Без этого твою бумагу засунут в нижний ящик, и она там протухнет быстрее, чем твой борщ на плите без огня. Пиши опись. Диктуй.

Усмехнулся, придвигая к себе бланк. Клава показывала пустую графу, которую кто-нибудь потом использует для отказа. Заполним и её. Пусть ищут другую придирку.

— Хорошо, — сказал я. — Записывайте. Заявитель: столовая №4 завода имени Дзержинского. Ответственный исполнитель: Лагутин Марк Сергеевич, фактический руководитель кухни. Помощники: Лодкин Ефим Степанович, технологическое сопровождение соусной базы; Минеева Зоя, сервис и презентация; Соколов Виктор, логистика сырья и холодное хранение. Основание: решение предсмотрового совещания от вчерашнего числа, протокол №3, пункт об утверждении темы «Обед трудового дня». Условия районного смотра и протокол совещания...

— Стоп, — Клава остановила меня рукой. — Дата протокола? Номер?

— Вчерашнее совещание, номер три. Пункт об утверждении темы. Он у вас перед глазами.

— Пишем точно, — она быстро набрала текст на своей машинке. Стук клавиш стал громче, ритмичнее. — Теперь список документов. Меню, раскладка по переменам, схема технологических карт с указанием времени приготовления. Всё в двух экземплярах. Один тебе, второй мне. И входящий номер я поставлю только после того, как ты распишешься за получение копии.

Следил за её работой. Это было похоже на приготовление сложного блюда: каждый ингредиент на своём месте, порядок действий неизменный. Ошибка здесь стоила дороже, чем соль в супе. Ошибка означала потерю заявки. Потеря заявки означала поражение до начала боя.

В приёмную вошёл Гладышев Фрол Степанович. Он появился бесшумно, словно выскользнул из тени шкафа с папками. Его костюм был идеально отглажен, галстук завязан узлом «виндзор», а в руках он держал тонкую кожаную папку. Лицо у него было гладким,

выбритым до синевы, и улыбка — вежливая, краевая, которую я видел на фотографиях Крайнова в газетах.

— Двойная бухгалтерия, Лагутин? — Гладышев остановился посреди комнаты, не здороваясь. Его голос был мягким, почти бархатным, но в нём звенел металл. — Или ты думаешь, что если бумага вдвое больше, то можно спрятать хвост?

Клава не отвлеклась от печати.

— Фрол Степанович, вы в приёмной по делу или просто воздух портите?

— По служебной необходимости, — он повернулся ко мне. — Тебя видят слишком часто в документах, Марк Сергеевич. Заявки, протоколы, теперь вот это. Зачем два экземпляра? Один экземпляр — одна ответственность. Два — попытка переложить вину на другого. У вас же там... хаос в цехе?

Он имел в виду Лодкина. Или Зою. Или всё сразу. Это была ловушка. Если я оправдываюсь, я признаю слабость. Если злуюсь — теряю лицо перед свидетелями.

Посмотрел ему прямо в глаза, удерживая папку на столе. Бланки оставались у Клавы, и отвечать можно было без спешки.

— Нет, Гладышев Фрол Степанович, — сказал я. — Входящая документация. Согласно уставу смотра, заявка должна быть зарегистрирована в журнале учёта входящих корреспонденций общепита. Один экземпляр хранится у заявителя, второй — у регистратора. Это не двойная бухгалтерия. Это гарантия того, что моя бумага не потеряется в пути. Вы ведь знаете, как быстро теряются бумаги в нашем районе? Особенно те, которые кому-то мешают.

Гладышев сузил глаза. На секунду он перестал улыбаться, потом приподнял уголки губ снова.

— Красиво рассуждаешь, поварёнок. Только бумажки не накормят комиссию. Вкус накормит. А вкус у тебя... сомнительный. Рабочий стол — это не ресторан. Там грязь, очереди и запах пота.

— Там правда, — ответил я. — А у вас в «Заре» правда подана под соусом из дефицитных креветок. Но мы же договорились: тема «обед трудового дня». Значит, судить будут по тому, как мы кормим людей, а не по тому, сколько денег у нас в карманах.

Клава ударила пробел. Машинка замолчала.

— Готово, — она выдернула лист из барабана. — Журнал присутствующих. Фрол Степанович, поскольку вы находитесь в приёмной в момент регистрации важного документа и выражаете мнение по существу, я обязана зафиксировать ваше присутствие как свидетеля процедуры. Подпишите здесь, в графе «Присутствовали при оформлении».

Гладышев замер. Папка в его руках чуть дёрнулась.

— Это формальность, Клава Никифоровна. Я всего лишь прохожу мимо.

— Форма защищает содержимое, — отрезала она, протягивая ему ручку. — Или вы боитесь подписаться? Тогда я запишу: «Свидетель отказался от подтверждения факта присутствия при регистрации заявки столовой №4». Для комиссии это будет выглядеть странно, не находите? Почему инспектор не подтвердил факт? Скрыл что-то?

Гладышев взял ручку, перехватил её негнущимися пальцами и подписал имя мелким, аккуратным почерком, не поднимая глаз.

— Вы преувеличиваете значение канцелярии, Лагутин, — бросил он, возвращая ручку на стол. — Когда комиссия придёт с проверкой, ваши номера входящих будут последним, о чём они вспомнят. Они вспомнят температуру борща. Они вспомнят, есть ли мясо в котлете. А ваш Лодкин...

Он сделал паузу, наслаждаясь моментом.

— ...ваш Лодкин имеет проблемы со здоровьем. Мы получаем уведомления. Санитарная служба обеспокоена.

Я прижал локтем свою папку. «Санитарная служба» — про этот ход уже говорил Крайнов. Гладышев произнёс угрозу при Клаве, даже не понизив голоса.

— Обеспокоена? — переспросил я ровным голосом. — Кто обеспокоен, Фрол Степанович? Вы? Или Пасека? Потому что у Лодкина руки золотые, а сердце здоровое. Проблемы бывают у тех, кто ест много, но не умеет переваривать правду.

Гладышев улыбнулся, но улыбка не дошла до глаз.

— Мы увидимся на смотре, Марк Сергеевич. Увидим, кто переварит.

Он развернулся и вышел, оставив после себя запах дорогого одеколona и лёгкого презрения.

Клава проводила его взглядом, полным профессионального отвращения, и повернулась ко мне.

— Твой ход, молодой человек. Он не шутит. «Здоровье» — это способ вычеркнуть фамилию до того, как ты успеешь открыть рот.

— Я знаю, — сказал я. — Поэтому и прошу два экземпляра. Свой сохраню, второй останется здесь. Демешко покажу зарегистрированную заявку: пусть запомнит номер, состав и приложения. Ему оставлю отдельную техкарту, а заявку из рук не выпущу.

Клава хмыкнула.

— Демешко? Тот, кого вчера сняли с комиссии «по нагрузке»? Он теперь никто. Обиженный никто опаснее лояльного врага.

— Именно поэтому он нужен. Не как член комиссии. Как свидетель. Человек, которому нельзя верить официально, но которому верят по-человечески.

Забрал свои документы. Клава проставила один входящий номер на обоих экземплярах, внесла его в журнал. Один оставила в своей папке, другой вместе с моими приложениями передала мне. Щелчок штампа прозвучал как выстрел.

Коридор треста был длинным и гулким. Свет ламп дневного света мерцал, создавая эффект старой киноплёнки. Я шёл к выходу, чувствуя тяжесть папки под мышкой, когда увидел Демешко.

Аркадий Сергеевич сидел на скамейке у окна, закутавшись в свой старый плащ. Он курил, выпуская дым в сторону открытой форточки, чтобы не нарушать режим. Лицо у него было серым, глаза красными от недосыпа и злости. Он выглядел как человек, которого вынули из воды и забыли вытереть полотенцем.

Увидев меня, он не встал. Только затаился глубже.

— Что, смеяться пришёл? — спросил он грубо. Голос срывался.

Сел рядом. Плащ пах табаком и мокрой шерстью.

— Смеяться буду позже, если выиграю. Сейчас пришёл дать то, что ты любишь больше смеха.

Демешко повернул ко мне голову...

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.